

СВОРА или ПРИМЕНИТЕЛЬНО К ПОДЛОСТИ

(о псевдонимах и анонимах)

*Его преследуют хулы.
Он ловит звуки одобренья
Не в сладком ропоте хвалы,
А в диких криках озлобленья.*

Н. Некрасов

*Я говорю волкам:
Тубо! Сочтемся славой.
Вы – клан, а я – вулкан,
И я залью вас лавой.*

*...Что мне, недруги, ваша стрела,
Если самоубийственна песня?*

Т. Бек

Корпоративность, групповщина, клановость сейчас воцарились не только во власти, но и в литературной среде. Что опасно в таких замкнутых сообществах? Круговая порука, дух аллилуйщины, комплиментарная зависимость друг от друга, а главное – отсутствие притока свежего воздуха. Инстинкт творческого выживания, самосохранения выталкивает поэта из этих затхлых кружков, вынуждает рвать цеховые связи. А этого там не прощают. Охотно прощают неталантливость, непрофессионализм, но не прощают культурного одиночества, неприобщенности к своей тусовке. Последствия могут быть весьма ощутимыми: от демонстративного игнорирования и замалчивания до откровенной травли. Здесь действует закон сталинских времен: кто не с нами – тот против нас. С одной стороны – коллективная спайка литературной мафии, с другой – обособленность и изгойство. Третьего не дано.

Или – или.

Причем закон этот действует в литературе давно. Когда в 1904 году никому еще не известный И. Анненский выпустил свой первый сборник «Тихие песни» под псевдонимом Никто, то газетная братия встретила их пренебрежительными рецензиями. Зачем же считаться с человеком, который сам себя считает никем? Хотя дело было не в неудачном псевдониме, не в скромности автора, а в другом, более важном – он был не столько Никто, сколько Ничей. В литературе издавна правят банды, как на Корсике. Примкни к банде, и сообщники амнистируют тебя; если ты бездарен, скудоумен, некультурен, – пригреют, дадут дышать, а если ты отмечен хоть малым даром – вознесут и заславословят. Анненский же не защитил свою поэзию ни собственным именем, ни маркой влиятельной школы, за что и поплатился.

Юная Цветаева в письме подруге писала: «Прочла рецензию в «Аполлоне» о моем втором сборнике. Интересно, что меня ругали пока только Городецкий и Гумилев, оба участника какого-то цеха. Будь я в цехе, они бы не ругались, но в цехе я не буду». Позже эта установка вылилась в ее кредо: «Ни с кем, одна, всю жизнь, без друзей, без круга, без среды, без всякой защиты, причастности, хуже, чем собака, а зато...А зато – все».

В бедламе нелюдей
Отказываюсь – жить,
С волками площадей
Отказываюсь выть...

Юнна Мориц – тоже одинокая волчица в русской поэзии – в одном из интервью говорила о засилье элитных тусовок в литературной среде и о том, как она поставила на себе опыт – возможно ли существование поэта за их гранью в нашем обществе. «Как видите, – говорит, – живу». Недавно ей была вручена премия имени А. Д. Сахарова «За мужество в литературе».

Мужества такая стезя требует действительно немало. Особенно в провинции. Вслед за Цветаевой и Мориц я тоже поставила на себе этот опыт – литературной выживаемости в условиях одиночества и изгойства. И сейчас хочу им поделиться, поведать, через какие тернии приходится прорываться к звездам высоких материй.

Меня часто спрашивают, и уже достали этим вопросом – почему я не член Союза писателей. В Маняхин на своем вечере сказал, что ему очень нравятся мои стихи и он не понимает, как я могу быть не членом СП. А вот могу. Что в моей жизни изменится, если я в него вступлю? Писать, что ли, лучше стану? Это не прибавит мне ни читательской любви, ни самоуважения. Когда в газете «Расклад» за 3.03.2004 ошибочно написали, что я член СП России, я возмутилась и потребовала опровержения. В следующем номере они извинились за «неточность»: «на самом деле поэтесса никогда в данной организации не состояла, мало того, находится с ней в длительной конфронтации, о чем даже писала в своих стихах». В «конфронтации», я, правда, не «состояла», газетчики слишком буквально восприняли мои стихи, они просто – о независимости.

Я никуда не вступаю.
Я ничего не член.
Грань не переступаю
Ту, за которой – плен.

Ту, где чего угодно,
Ту, где не встать с колен.
Я – ничья, я свободна,
Я ничего не член.

Падаю, оступаюсь,
И ошибаюсь – что ж,
Но ни во что не вступаю,
Чтобы не мыть подошв.

Чур меня знак весомый
Лацканов напоказ,
Стойла борзых тусовок,
Где не ступал Пегас.

Убережась от фальши,
Спрыгну с дороги я.
Вы же ползите дальше,
Членистоногие.

Я никогда не принадлежала ни к каким тусовкам и союзам. Это нелегко. Это значит жить на ледяном ветру, в суровом климате литературного отчуждения, но это входит в понятие моей душевной экологии, творческой гигиены. Ибо я знаю, что если я сделаю что-то, чего требуют законы клана, но что противоречит моей сути, моей душе, я уже не смогу быть в ладу с собой, не смогу написать чего-то, что могла бы раньше, возникнет диссонанс, фальшивая нота. Поэту нельзя подписывать договора с чертом, менять «звезду на хлеб». Как это у Л. Губанова? «И если я, филон бессмертья/ и обаянья светлый паж,/ продам хоть строчку ради меди/ – меня накажет карандаш». И – в другом стихотворении: «Меня замолчали/ как колокол в поле осеннем,/ стучали ключами/ в тот номер, где помер Есенин/ так в дверь колотили/ от яда и фальши/ живу в карантине/ от общества – дальше». В условиях, когда бомондная поэзия все больше превращается в игрушку и подсобное средство для обретения относительного благополучия, нужно уходить из этого пространства. Отказаться от него.

Я должна быть свободна в своем самовыражении, в своем праве сказать то, что хочу сказать, что за меня никто не скажет. Каждая моя книга – это исповедь, будь то стихи или проза. Субъективизм ей предписан самим жанром. Я сознательно стараюсь не обходить острых углов в угоду каким бы то ни было соображениям, не скрывать своих мнений и чувств, кто бы и как бы к ним не отнесся. Нетрудно спрогнозировать возможную реакцию людей, каким-то образом задетых мною. Но я, честно говоря, об этом не думаю. И не должна об этом думать, если хочу быть искренней, не подменяя дипломатичными эвфемизмами и лукавыми оговорками свои истинные суждения и мысли. Субъективная оценка людей, событий, поступков, своих в том числе, – неотъемлемое право каждого литератора. Любой имеет такое же право не согласиться с тем или иным суждением, как автор – его высказать.

Это касается и критики – не ради критики, а ради истины, ради правды. «Не могу молчать», – говорил в таких случаях Лев Толстой. «Есть стихи, которые воспринимаешь как личное оскорбление», – вторил ему Мандельштам. У Петра Вяземского есть стихотворение, которое, как мне кажется, целиком – про меня:

«Зачем глупцов ты задеваешь? –
Не раз мне Пушкин говорил.
Их не сразишь, хоть поражаешь;
В них перевес числа и сил.

Против тебя у них орудья:
На сплетни – злые языки,

На убежденье простолюдыя –
У них печатные станки.

Ты только им к восстанью служишь;
Пожалуй, ранишь кой-кого:
Что ж? Одного обезоружишь,
А сотня встанет за него».

Совет разумен был. Но к горю,
Не вразумил меня совет;
До старых лет с глупцами спорю,
А переспорить средства нет.

Сединам в бороду, навстречу,
Знать, завсегда и бес в ребро:
Как скоро глупость где подмечу,
Сейчас зачесется перо.

В последнюю мою книгу «По горячим следам» помимо стихов и лирической прозы вошли памфлеты – «небольшое обличительное полемическое сочинение» – так определен в словаре этот жанр, уже слегка подзабытый в нашей словесности. Я использовала его для обличения – не конкретных людей, а ненавистных мне явлений в литературе и культуре: снобизма, антисемитизма, пошлости, графомании. Последствия не заставили себя ждать. В душах «оскорбленных и униженных» героев памфлетов поднялась буря негодования. И как следствие – «мщенье, бурная мечта ожесточенного страдания».

Я вполне понимаю их чувства. Не согласен – опровергай, спорь, полемизируй. Но уж будь любезен – по существу, на том же идейно-художественном уровне, не выходя за границы литературного жанра, а не на языке трамвайной перебранки по принципу «а ты кто такой, от такого слышу», как это сделали мои оппоненты. У Н. Куракина есть стихотворение, которое, как мне кажется, могло бы стать их программным документом, своего рода гимном. Называется оно пафосно, как и все у Куракина: «Дух стаи».

...Взрастает стая, не уставая.
Она из горла достанет кость,
Клыками вырвет у тех, кто – вне стаи,
В стае за доблесть – злость.
Стая всегда права. Только в стае
Волчий закон насилья един...

В другом своем опусе он продолжает больную тему:

Ввязался в драку – будь собакой,
Остри клыки и делай нюх.
Не знает правил злая драка,
Ударить норовит – под дух.

Куракин пишет со знанием дела, он сам из такой стаи (волчьей? собачьей? Бродский, кстати, говорил: «Не унижай зверя сравнением с человеком»). Вот только «дух» ее – далеко не дух амброзии, а, мягко говоря, совсем наоборот. В этом году мне довелось в этом убедиться.

Вскоре после выхода моей книги в газете «Жизнь» за 15. 11. 2003 появилась анонимная заметка, принадлежавшая, как выяснилось, перу Куракина, под заголовком «Скандал в литературной богеме»: «Поэтесса Наталья Кравченко выпустила в свет свою новую книгу «По горячим следам», которая вызвала бурю в местных писательских кругах. Дело в том, что автор не только не постеснялась выставить напоказ собственный адюльтер, но и сочла себя вправе «раздолбать» на страницах книги некоторых местных коллег по перу...»

Не умея ничего возразить по существу, Куракин пытался всячески опорочить в своей заметке мою личную жизнь, мои стихи и лекции. Но прежде всего выдвигал обвинения в области морали. Что же так оскорбило целомудрие немолодого стихотворца? Имелся в виду лирический цикл, который на самом деле посвящен моему мужу и истории нашей любви, там даже имя его упоминается, весьма редкое, кстати (стр. 65 – 71). Так что любители «клубнички» (его выражение) будут разочарованы, никакой разнузданной похоти и разврата в этих стихах они не обнаружат. Хотя я могла бы напомнить моралисту Н. Куракину слова А. Ахматовой о том, что «стихи должны быть бесстыдными», то есть обнаженными, исповедальными, но боюсь, что его грязное воображение не так их истолкует.

А вот методы, к которым он прибегает в своей так называемой «полемике», действительно иначе как бесстыдными не назовешь, причем в самом прямом смысле этого слова. А. Кушнер как-то отозвался о романе В. Соловьева («Три еврея»), где тот на 800 страницах всячески порочил его, обвиняя в несуществующих грехах: «От этого романа воняет». Так вот об этой заметке я бы могла сказать то же самое. «Работай челюстями точно, не вычлняя харь и рож», – высказывал он в стихах свое кредо, – до кончиков хвоста собакой, клыкастым псом отвязным будь». Но я с ним «лаяться» не собиралась. Д. Ляляев потом извинялся по телефону, предлагал поместить в следующем номере мой ответ в том же газетном объеме, но я ограничилась одной фразой:

«Не считаю нужным что-либо опровергать из информации, опубликованной в вашей газете по поводу моей книги, т. к. не могу считать поток бездоказательной клеветы и грязных ругательств рецензией, а кляузника, исторгающего злобные клички – оппонентом. Все мои доводы – в моей книге». («Жизнь». 29. 11. 2003)

Но многие мои слушатели и читатели, как потом я узнала, высказывали возмущение этой заметкой: звонили, писали, приходили. «У меня телефон раскалится, – жаловался Ляляев очередной оппонентке. – Вы сегодня уже восьмая по этому вопросу». Особенное негодование людей вызвал куракинский пассаж о моих лекциях:

«Эта местная стиходама и литературоведница в своих лекционных изошренчествах, касаемых поэтов и поэзии, прямо-таки по-швыдкому трясет грязным исподним, выискивая в журнальных откровениях «клубничку», чтобы как-то угодить любопытствующему обывателю...» На этом цитата обрывалась. Видимо, дальше шло нечто такое, что даже эта газета опубликовать не решилась. Среди упомянутых «обывателей» были, например, тогдашний министр культуры И. Кияненко, выписавший мне премию за лекцию о Волошине, Лев Горелик, написавший: «Спасибо за преданность поэзии, за просветительство, за любовь к слову», писатель И. Корнилов, посещавший эти вечера уже много лет, профессора, кандидаты наук, преподаватели, школьники, студенты. Приезжали поэты из Ртищево, Уфы, г. Шахты, даже с Сахалина, о чем свидетельствуют их записи в тетради отзывов. Неоднократно бывали В. Дьяконов, М. Муллин, да и сам Куракин, причем выходявший тогда к микрофону с цветами и поздравительными стихами. Этот обозленный «раздолбанный», эта взбесившаяся моська, возомнившая себя волкодавом, оскорбила не только меня, но и всех этих людей. «Стая» торжествовала. Один из самых молодых ее членов, студент А. Зрячкин обзванивал знакомых: «Читали? Это еще не все! У нас их целая обойма!» Вскоре из заготовленной обоймы раздался еще один выстрел.

В «Земском обозрении» за 26. 11. 2003 появилась статья «Волчьи ягодки с люциферова подворья» за подписью Ядвиги Залеской, в которой моя особа изображалась неким

исчадием ада, люциферовым отродьем. Статья абсолютно бездоказательная, лживая и подлая, с массой чудовищных подтасовок. Она явно была рассчитана на тех, кто моих стихов не знал и книг не читал.

«Постельные сцены составляют значительную часть «стихотворного наследия» Н. Кравченко. Ради разнообразия Наталия Максимовна притворяется то изысканной куртизанкой, то неопытной отроковицей...»

Не знаю уж, что рисовалось распаленному воображению критикессы, когда она читала – изучала под лупой – мои стихи, но снова должна разочаровать любителей порно – ничего этого в них нет и в помине.

Узнать истинное имя авторши грязного пасквиля не составило труда (Саратов – город маленький) – им оказалась Елизавета Мартынова, ученица и сподвижница Куракина. «Ну как не порадовать родному человечку!» Она и предисловие к его сборнику писала, и по местному радио дифирамбы расточала его стихам, и статьи в газетах во славу куракинского поэтического дара печатала. А тут – какая-то «куртизанка» посмела усомниться в гениальности патрона, гуру, покуситься на его славу. Ату ее! И парочка дружно «заработала челюстями, не вычлняя харь и рож». Но я-то вычленила их сразу. Уши «вожака стаи» торчали, что называется, из каждой строчки. «Применительно к подлости» – это выражение из сатирической сказки М. Е. Салтыкова-Щедрина, ставшее уже общеупотребительным, тут как нельзя более подходит. Еще М. Горький отмечал «механическую привычку лакея мыслить «применительно к подлости» господина его».(М. Горький. Собр. соч. т. 27 с. 361)

«Адюльтер», «грязное исподнее», «постельные сцены», «куртизанка» – они старались закидать меня своей же грязью. Видимо, Е. Мартынова понимала в глубине души, что женщине стыдно писать подобные вещи, и всячески пыталась замести следы, отвести от себя подозрения. Надо сказать, ей это хорошо удавалось. «Что Вы! Разве Лиза способна на такое? Такая девочка... Да она диссертацию сейчас защищает, разве ей до этого?» – в один голос твердили мне все, кто ее знал. Оказалось, именно до этого. В качестве отвода глаз использовались и тщательно распространяемые слухи о диссертации, и звонки ее знакомых, подбрасывавшие мне все новые «версии» по поводу возможного автора: «Это писал мужчина! Залесский – есть такой в университете...» Подлость всегда труслива. Неудивительно, что она прячется в кусты, драпируется в павлиньи перья экзотических псевдонимов. Имя – оно ведь в каком-то смысле жмет, стесняет движения, обязывает в конце концов. Слова себе лишнего грубого не позволишь, чтобы не подмочить репутацию. А тут – возможность безнаказанно, анонимно поливать человека грязью. И крошка Цахес Мартынова с оскорбленным невинным видом отрицала свою причастность к пасквилю, а сама исподтишка хихикала и потирала ладошки. Теперь ей придется подыскивать себе другой псевдоним.

Определив свой опус как «критические заметки к выходу в свет очередной книги Н. Кравченко «По горячим следам», она старательно обходила вниманием памфлеты (хотя они-то и послужили истинной причиной статьи!), делая вид, что ее интересуют только стихи. Оценки были саркастическими и «уничтожающими».

«Перед нами – кич. Подделка под вечную истину поэзии», – безапелляционно пишет она о моей поэме «Федерико», которая экспонирована в гранадском музее Лорки и переводится сейчас на испанский язык для публикации в тамошнем журнале. «Крохотный пошленький мир – мирок». Художник Вышеславцев как-то такую же фразу сказал о Прусте, на что Цветаева ему ответила: «Не бывает «маленьких мирков», бывают только маленькие глазки». Маленькие злые глазки критикессы цепко впивались в каждую строчку, с надеждой выискивая в них «блох». «Нужно напрячь все свое воображение, чтобы представить, что такое «лаечные перчатки» (может быть, все-таки лайковые?)» Строка из моего стихотворения о Борисе Поплавском «не сноб и не эстет в перчатках лаечных» – это перифраз Маяковского: «Ну, Есенин, мужиковствующих свора, смех, коровую – в перчатках лаечных!»

(«Юбилейное»). Так что «воображение напрягать» не надо, достаточно вспомнить то, что учили в школе (это стихотворение там проходят). Её дамско-галантерейное мышление допускало только одну единственно-правильную форму этого слова: «лайковые». Но поэзия – это не галантерея.

Цитируя мои строчки: «Я несу стихи в ладонях робко/ в ореоле вспыхнувшей свечи./ Только с сердца – как со сковородки./ Не взыщите, если горячи!» – моментально переводит их в доступную ей область кухонных ассоциаций: стихи – это, стало быть, «блины», «стихотворные оладушки». Очень смешно. Когда-то утверждалось, что каждая кухарка может управлять государством. Почему бы ей тогда, в самом деле, и не научиться защищать диссертации, писать критические статьи? Думаю, что не хуже бы, чем у Мартыновой, получилось.

Обвиняя меня в заимствовании строк у классиков, она сама беззастенчиво «заимствовала» мои же фразы из моих памфлетов, обращая их теперь уже против меня. «В стихах не видно ни одной детали времени, города, улицы, ни портрета, ни поступка, ни цветов, ни запахов, ни звуков – голо и мертво». «Картины тлена». «Безжизненную душу не спасешь». Приклеивая моим стихам ярлык «мертвости», Мартынова мстила мне за то, что на обсуждении ее собственного творчества в литстудии Корнилова Валерия Соколова назвала ее стихи мертвыми, ссылаясь на мою статью «Живое и мертвое», которую прочла в книге. Так что вся эта «критика» была шита белыми нитками. Слишком было очевидно, кто писал, зачем и почему.

Я писала в своей книге под своим именем, писала то, что думала, и могла это убедительно доказать на конкретных примерах. Члены куракинской «стаи» писали, прячась за спины друг друга, прикрываясь псевдонимами, писали не то, что думали, и доказать это не умели. И Куракин, и Мартынова на самом деле знали цену моим стихам, Мартынова даже наизусть некоторые из них знала («Не убивай меня – шепчу из сказки», – восторженно декламировала нашему общему знакомому, разумеется, до выхода моей книги), но жажда мести и желание угодить любимому наставнику диктовали свою линию поведения.

После выхода этой статьи критикесса хвасталась друзьям и знакомым, что ее теперь взяли в штат «Земского обозрения», выдавая желаемое за действительное. Я усомнилась и попросила журналистку Л. Чиркову узнать, так ли это. Зав. отделом культуры «ЗО» Б. Глубоков опроверг эти слухи: «Никто ее брать не собирался. Она и была-то у нас всего два раза: когда приносила статью и когда приходила ее вычитывать в уже сокращенном виде». Статья, оказывается, в первоначальном виде была в 5 раз больше и содержала множество так и не увидевших свет компрометирующих меня подробностей, вплоть до того, что я, как выразился Глубоков, «общалась с чертями».

Статью прочли многие, но реакция чаще всего была не той, на какую рассчитывали пасквилянты. Узнала я о ней из звонка знакомого журналиста: «Ну Вы их и доста-а-али! – удивленно протянул он. – Какая злобная статья. Что Вы им сделали?» Что было делать? Возражать? Игнорировать? Наплевать и забыть? Мудрее всего, конечно, последнее. На память приходило пушкинское:

Веленью Божию, о муза, будь послушна,
Обиды не страшась, не требуя венца,
Хвалу и клевету приемли равнодушно
И не оспаривай глупца.

Здесь каждое слово – великое утешение поэту и поддержка. Но поэт и хотел бы соответствовать разумному завещанию, да плохо ему это удастся. Оно рассчитано, видимо, на другой, не поэтический темперамент. И разве сам Пушкин на страдал, не «оспоривал глупца», не писал «опровержение на критики», эпиграммы на своих зоилов? «Что касается

критических статей, написанных с одной целью оскорбить меня каким бы то ни было образом, скажу только, что они очень сердили меня по крайней мере в первые минуты и что следственно сочинители оных могут быть довольны...» Вот и я последовала тогда пушкинскому «примеру» – рассердилась. И решила, что так этого не оставлю.

На вечере Тютчева, который я должна была проводить в библиотеке, было очень много народу. Человек 300, не меньше. Я начала с ответа на клеветнические куракинско-мартыновские статьи, «рассекретив» их псевдонимы. Страна должна знать своих героев. Думала уложиться минут в 10, но не тут-то было. Публика в этот вечер в некоторой ее части явно была не моя, враждебная. После моих слов о том, что статья в «Земобозе» рассчитана на тот контингент, который ее читает, в задних рядах поднялась волна протеста. Раздались наглые выкрики: «Тютчева давай! Мы на Тютчева пришли! Тютчев сегодня будет?!» Я объяснила, что будет, но прежде я скажу то, что считаю нужным, т. к. в статье оскорбили не только меня и мои лекции, но и всех их, назвав «любопытствующими обывателями» и «любителями клубнички». Но какие-то сволочи упорно не давали говорить, пытались меня захлопывать, шуметь, шикать. Я потребовала, чтобы они покинули зал. Ни с места. А говорить не дают. Такое на моих вечерах за 16 лет было впервые.

Шум нарастал. Мои поклонники кричали, что это присланные люди, «засланные казачки», чтоб их гнали. Пытались кое-кого вывести. Те упирались, хамили. Я пыталась их перекричать, чувствуя себя Хакамадой на политических дебатах. Одна дама даже визжала и стучала ногами. (Я подумала: может, тоже сподвижница Куракина, член «стаи»?) Женщины кричали на нее и прогоняли прочь:

– Ты на нашу Наталью Максимовну, ах, ты, да мы тебя!..

Последний раз, вспомнила я, подобное было в 1918 году в Петрограде на выборах короля поэтов, когда поклонники Северянина схватились с поклонниками Маяковского. Вся эта вакханалия длилась минут 20. Человек 5-6 вышло. Я победила. Закончила, сказав все, что хотела, вспомнив к месту цитату: «Силу подлости и злобы одолеет дух добра». Зал разразился овациями. Мне преподнесли три гвоздики. Враг был посрамлен. Я непринужденно «вырулила» на Тютчева, развернувшись на 180°: «А теперь поговорим о более приятном».

Вечер прошел необыкновенно. Это был, наверное, лучший вечер в моей жизни. Когда я читала «Вот бреду я вдоль большой дороги...», стояла такая звенящая тишина, что слышно было даже дыхание зала. После лекции меня окружили, не отпуская минут 40.

– Не обращайтесь внимания! Вы – наша золотая, все равно Вы лучше всех!

– Берегите свое здоровье. Не читаем мы их статей! Мы Вас видим, знаем, зачем нам их статьи!

Преподавательница гимназии № 4 Венера Махмудовна деловито осведомилась, какая нужна помощь. Я сказала, что никакая.

На столе штабелями лежали подаренные слушателями коробки конфет и шоколадки. Один из них стал меня заверять, что в его шоколадке – он показал, какой – нет никакого яду.

– Тише Вы, – засмеялась я. – Так кого-нибудь на мысль наведете.

Одна женщина посочувствовала:

– Вы одна, а их целая свора!

– Но вы же со мной.

На следующий вечер Н. В. Косолапов принес свой письменный отзыв на произошедшее: «Гадкие, подлые люди. Им надо напакостить и спрятаться за чужую спину, подставив другого человека. Они не хотят показать свое лицо, назвать свое имя. Пойманные за руку, будут юлить, врать и изворачиваться. Вырвав руку, тут же станут хамить и запугивать. Оклеветать человека им ничего не стоит. Отказаться от своих слов тоже. Я заявляю этим людям свой протест...»

Мне тогда написали многие. Н. С. Могуева: «Господи! Если бы можно было не обращать

внимания на это твяканье! Вот так просто милым жестом отшвырнуть их в сторону...» Н. М. Семенова: «А еще у меня есть тост, заимствованный у гениального ученого Жореса Алферова: «За погибель подлецов!» Я не желаю зла Вашим злопыхателям, я желаю погибели их лжекритике и крючкотворству. А еще нужно следовать русской поговорке: «Собака лает, ветер носит!» (Собака – это в самую точку – подумала я).

Ваша Надежда Михайловна Семенова,
врач детской поликлиники № 1
Октябрьского района Саратова».

А вскоре ветер донес до моих ушей еще один лай все той же собачьей стаи. В номере от 4.02.2004 все того же «Земского обозрения» была помещена еще одна статья внушительного объема и угрожающего содержания под заголовком «Плагиат как основа творчества?», посвященная моей особе. На этот раз Мартынова подстраховалась, прикрывшись фиговым листком псевдонима «Таволгин», принадлежавшего А. Амусину (тоже герою одного из моих памфлетов), и чувствовала себя в полной безопасности по принципу «не пойман – не вор». По редакциям не ходила, в кабинетах не светила, можно было снова довольно потирать ручки. Но и мужская фамилия ее не спасла. Я ее вычислила с первой же фразы.

– Лиза, опять Наталья Максимовна Вас подозревает! – говорил ей Корнилов. Та злорадно смеялась в ответ:

– Ну что Вы, Иван Михайлович, я к этому ни-ка-ко-го отношения не имею!

«Единожды солгавший, кто тебе поверит?» То, что Таволгин-Амусин мог быть автором сего произведения – отпадало сразу же. Фамилии Гандлевского, Рыжего, Кушнера, Мандельштама, которыми жонглировалось в статье, были для него «подобны надписи надгробной на непонятном языке», говоря словами классика. Бесславно завершив свою карьеру на ГТРК, Амусин стал публикатором писем на тему любви в «ЗО», старательно перемежая их своими стихами и – иногда для приличия – стихами В. Тушновой. Такое впечатление, что кроме Тушновой он больше никого из поэтов не знал на память, а других книг у него под рукой не было. Впрочем, и знание Тушновой оставляло желать лучшего, т. к. в номере «ЗО» за 28.01.2004, например, в подборке из 3-х стихотворений, подписанных им именем этой поэтессы, два принадлежало не ей. (Но – будем снисходительны к выпускнику сельскохозяйственного института, там поэзии не обучают).

Что же касается Мартыновой, то она могла узнать многие цитируемые ею строчки единственно из моих книжек, что ей дал на неделю П. Шаров, в частности – Гандлевского, которого я выписала из «Пушкинского фонда» и которого тогда не было ни у кого в Саратове. Но и без этого было ясно, что писала она, т. к. статья № 2 словно продолжала первую. И. М. Корнилов, который долго красноречиво убеждал меня по телефону в непричастности «Лизы» к этой статье (видимо, с ее слов), позже, когда выяснилось, что я права, говорил: «Я поражаюсь Вашей интуиции. Или осведомленности?» И то, и другое. Но сначала, конечно, была интуиция. У меня очень хорошо развито чувство слова, слога, стиля – это же индивидуально, как отпечатки пальцев, – и мне достаточно прочесть хотя бы один опус данного автора, чтобы безошибочно установить его причастность к другому. Так же моментально я вычислила авторство Куракина, и когда сказала об этом Ляляеву, тот был обескуражен: «Так Вы уже знаете?»

Скорее всего, все три пасквиля они писали на пару, уж очень явственны переклички, повторы. Хоть бы разнообразили, что ли как-то выражения. Снова те же нападки на лекции: «завлекает зрителя интимной, малоизвестной широкой публике жизнью героя», «изыскивает материалы весьма спорные, далекие от поэтической этики», «каков век, таковы и нравы». (Кстати, ни Мартынова, ни Амусин не были на них ни разу). Все те же обвинения в аморальности (ну кто бы говорил!). Но главный акцент на этот раз был сделан на другом: гвоздь статьи, ее, так сказать, краеугольный камень заключался в слове «плагиат», которым

Мартынова пыталась заклеить меня с первой же строки своего опуса, призывая на помощь словарь литературоведческих терминов, страшая «уголовным преследованием, предусмотренным законодательством». При этом «плагиатом» Мартынова называет что угодно, только не то, что таковым является: реминисценции, перифраз, антифразис, ироническое переосмысление строки автора. Если она взяла в библиотеке словарь литературоведческих терминов, чтобы найти в нем слово «плагиат», то посмотрела бы там и эти тоже. Пригодилось бы для общего развития. Тогда бы она узнала, например, что «смещение строк нескольких классиков под именем одного современника», в чем она меня обвиняет, это литературный прием центон, широко применяемый в постмодернизме. Что строчки классиков «Сколько их? Куда их гонят?», «Белеет парус одинокий», «Мне на плечи бросается век-волкодав», «Нет, не трамвайной вишенкой в зубах», «Немного красного вина», «А полной гибели всерьез» и другие, которые я обыгрываю или с которыми перекликаюсь – слишком известны, чтобы их закавычивать, это тот культурный багаж, которым свободно оперирует каждый мало-мальски образованный человек, именно на этот багаж рассчитывает автор, использующий такие приемы в своем творчестве.

Мартынова-Таволгина пишет: «Такое ощущение, что автор считает своих читателей быдлом, ничего не смыслящим в поэзии. Может быть, именно таков уровень слушателей ее лекций?» Быдло – это те, кто не знает столь очевидных вещей в литературе и при этом берется о них писать, поучая других.

Когда я пишу: «О пьяниц и поэтов братский класс!/ Бредете вы, куда не зная сами,/ то с наливными рюмочками глаз,/ то с кроличьими красными глазами», то рассчитываю на достаточно грамотного, эрудированного читателя, у которого эти строки мгновенно отзовутся, вызвав в памяти мандельштамовского «Ламарка» и «Незнакомку» Блока. Во всяком случае, слушатели моих лекций эти стихи хорошо знают. А вот наивный малограмотный Таволгин явно переоценил эрудицию своей референтки, которая называет «плагиатом на плагиате» и «неприкрытым воровством» следующее: «Под именем Кравченко в ее стихах то М. Цветаева (с. 60), то Н. Заболоцкий (с. 53), то С. Гандлевский (с. 60, 83), то А. Кушнер (орфография автора) на с. 53...» Раскрываю указанные страницы. Объясняю («популярно объясняю для невежд», как писал Высоцкий): строчка Цветаевой на с. 60 «согреть другому ужин» закавычена, никакого Заболоцкого на с. 53 и Гандлевского на с. 60 нет и в помине (видимо, автор перестаралась в своей сверхбдительности, ища серую кошку в темной комнате), что же касается строки Гандлевского на с. 83 («ты не яблоко, ты облако»), то я пишу об этих стихах, приводя их полностью с указанием имени автора на с. 122. И, наконец, злосчастный «Кушнер», строчка на с. 53, в воровстве которой обвиняет меня незадачливый прокурор от поэзии Мартынова, вынесена мною в эпиграф с указанием имени поэта, поэтому естественно, что я привожу ее в стихе, не закавычивая. И таких наглых подтасовок здесь – множество.

В предисловии к моей книге «Чужая жизнь» А. Кушнер отмечает у меня строчки: «А масло в роковой руке/ уже плеснуло у трамвая,/ и жизнь, отлитая в строке,/ лежит и смотрит, как живая», подчеркивая: «очень неожиданно и удачно использована блоковская строка». Для Таволгиных же это – «беззастенчиво украденные строки поэтов прошлого». Странно, даже неудобно как-то объяснять все эти азбучные истины не школьнику – дипломированному филологу, кандидату наук, считающей себя к тому же поэтом. Что это? Искреннее заблуждение? Дремучее невежество? Или все-таки месть за критику?

В очередном номере газеты «Расклад» за 19.02.2004 появился отклик на обвинительную статью «Земобоза»:

«Оказывается, нет большего врага у талантливого саратовского поэта, чем другой саратовский поэт, считающий себя талантливым. Лауреат пушкинской премии Наталья Кравченко рассекретила «коллег», которые, прикрываясь псевдонимами, дотошно разбирали

строчки ее стихов в ряде номеров «Земского обозрения», приписывая их авторство то Мандельштаму, то Ахматовой. Вероятно, в университете преподаватели не объяснили тогда еще юным дарованиям, что такое постмодернизм. Поэтому они до сих пор уверены, что постмодернизм и плагиат – одно и то же. Чтобы исправить эту досадную, калечащую тонкую душу оплошность, горе-критикам нужно всего-то испросить у знакомых вузовских педагогов разрешения поприсутствовать на лекциях по русской литературе двадцатого века, и, глядишь, современный поэтический мир перестанет казаться таким «уворованным».

Подивился на «литературоведческий разбор» Мартыновой и Р. Арбитман (Саратов СП» за 18.02.2004), назвав его «глупейшими прокурорскими нападками»:

«Вместо того, чтобы поздравить Наталью Максимовну с недавним лауреатством на Международном поэтическом конкурсе «Пушкинская лира» (г. Нью-Йорк), неопиты из «Земобоза» выкатывают автору претензии за... цитирование в ее стихах строк известных поэтов! Даже неловко напоминать гражданам о стихотворной «диффузии» – неотъемлемой части поэзии (Грибоедов включает в свой текст строку Державина, Пушкин – строку Грибоедова и т. д.). Или о знаменитой фразе Мандельштама: «Цитата есть цикада – немолкаемость ей свойственна». Или о центонности – краеугольном камне литературы постмодерна...»

Переключка с предшественниками и современниками – это процесс закономерный, естественный и неизбежный. Какой наивностью или некомпетентностью надо обладать, чтобы представлять поэтов и их поэтические миры обособленными, изолированными! Поэзия не квартира с изолированными комнатами, это – лермонтовский космос, где «звезда с звездой говорит». Один из видов переключки – цитирование, вплетение в стиховую ткань чужих стихов. Например:

Я думаю (уж никому не по нраву
Ни стан мой, ни весь мой задумчивый вид),
Что явственно-желтый, решительно-ржавый
Один такой лист на вершине – забыт.

М. Цветаева

Поэт, используя чужой текст, рассчитывает на знающего и умного читателя, которому не требуются сноски, указания и наводящие кавычки. Цветаева в письме к А. Бахраху, объясняя ему связь названия своей книги «Ремесло» со стихами Каролины Павловой, писала: «Эпиграф этот умолчала, согласно своему правилу – нет, инстинкту! – ничего не облегчать читателю, как не терплю, чтобы облегчали мне. Чтоб сам».

Цитирование – лишь один из видов переключки. Существует множество других ее вариантов: отзвуки, отклики, непреднамеренные совпадения и т. д. У Жуковского: «О друг! Служенье муз/ должно быть их достойно» («К Батюшкову»), у Пушкина: «Служенье муз не терпит суеты,/ прекрасное должно быть величаво». Известно, что формула «гений чистой красоты» принадлежит Жуковскому («Лалла Рук»).

То же можно сказать и о переключке Пушкина с Баратынским. «Ты, верный мне, ты, Дельвиг мой,/ мой брат по музам и по лени» – эти стихи из «Пиров» Баратынского Пушкин перефразировал в стихах «19 октября», обращаясь к Кюхельбекеру: «Мой брат родной по музе, по судьбам!» Эпиграфом к Евгению Онегину Пушкин хотел взять строку Баратынского «Собрание пламенных замет». След от этого остался в строках «Ума холодных наблюдений и сердца горестных замет». Поэтическая переключка не умаляет достоинства поэта, не ущемляет его оригинальности. Она – один из ярчайших примеров того, как нуждается поэтическая новизна в поэтической традиции. Выдернуть, изъять эти культурные нити из

нашей души – значит уничтожить, разорвать ее ткань. Но «неофитам из «Земобоза» эти истины недоступны для понимания.

Не только Р. Арбитман заметил в своей статье, что «приснопамятное «Земское обозрение» с некоторых пор избрало своей мишенью Наталью Кравченко», но и многие обратили внимание на то, что эта газета в течение двух месяцев публикует два обширных разгромных материала одного и того же автора (нештатного), посвященного поэтическому творчеству одного и того же человека. Это при нынешнем дефиците газетных площадей в период предвыборной кампании! Какая-то личная, прямо-таки кровная заинтересованность редактора в этих клеветнических опусах просматривалась невооруженным глазом. А ларчик просто открывался: Игорь Сухарев, редактор «ЗО» («туземского обозрения», как называют его в народе) тоже являлся героем моей сатирической прозы («По горячим следам», с. 209, 238). Вот где собака-то зарыта. А то – пошлые лекции, плохие стихи, плагиат! В данном случае интересы всех этих сторон совпали, сошлись на сфокусированной точке – моей особе. «Челюсти» сомкнулись. И если для объявлений на мои вечера на страницах «ЗО» никогда не находилось места, то для двух разносных пасквилей, касающихся автора и ведущей этих вечеров – с превеликим удовольствием.

Тем временем в литстудии Корнилова в Доме культуры и науки был еще полгода назад запланирован мой вечер. Корнилов хотел, чтобы я читала на нем свою поэму о Н. Рубцове. Но в ракурсе всех этих «разоблачительных» публикаций акценты вечера должны были несколько сместиться. «К Вам накопилось много вопросов», – сказал он мне. «Очень хорошо. А у меня накопилось много ответов». (Вспомнился Высоцкий: «Мне есть, что спеть, представ перед Всевышним, мне есть, чем оправдаться перед ним»).

Корнилов меня огорошил, сообщив, что хочет начать очередное занятие студии с чтения нашумевшего пасквиля.

– Зачем? Ведь повторять глупость и гнусность – это значит способствовать ее распространению.

– Но многие не читали. Мне звонят, спрашивают, интересуются. Люди хотят знать...

– Хорошо. Но в таком случае зачитайте и мой ответ. Так будет справедливо.

Корнилов нехотя согласился. Но потом перезвонил и сказал, что пожалуй не будет читать ни того, ни другого, так как опасается моего неуправляемого характера и непредвиденных последствий. Но я уже закусила удила. После недолгих препирательств пришли к соглашению, что я вообще на занятие не приду, а мой ответ зачитает Давид. Видимо, Ивану Михайловичу мой муж представлялся более уравновешенным и рассудочным человеком, но это было обманчивое впечатление. Когда дело касалось моих обидчиков – Давиду на пути лучше было не попадаться.

По счастливой иронии судьбы в день выхода разносной статьи я получила пакет из Нью-Йорка, в котором был сертификат о присвоении мне 2-го места на Международном конкурсе поэзии 2003 года «Пушкинская лира». Давид принес его на занятие литстудии и предложил Корнилову огласить, т. к. об этом еще никто не знал.

– Или это слишком мелко в свете сегодняшних газетных материалов? – не удержался он от шпильки. Корнилов, стараясь выглядеть объективным, сертификат зачитал. Потом зачитал письмо от Романа Ахмеджанова из Калининска, тяжело больного юноши, которому все члены объединения – и я в том числе – послали коллективную посылку: свои сборники. Письмо в основном состояло из восторгов по поводу моей последней книги – объекта сегодняшнего разбирательства. Закончив читать «позитив», Корнилов неожиданно сменил «пластинку»:

– У каждого поэта бывают взлёты и – падения. До этого мы говорили о взлёте... – Он взял в руки мартыновскую статью.

– Чье падение? – не выдержал Давид. – Это падение того, кто писал!

– Не перебивайте. Итак, в «Земском обозрении» опубликована статья. Она напечатана под

псевдонимом. Я с уважением отношусь к псевдонимам. У меня самого их два...

Амусин сидел рядом, вальяжно развалившись в кресле. Мартынова благоразумно не пришла. Давид снова прервал ведущего:

– Зачем же говорить о псевдонимах? Вот же автор. Пусть подставной, но все же... Вот же он сидит! – он бестактно ткнул пальцем в Амусина. – Ты что, скрываешься, что ли?

– Ничего я не скрываюсь. Да, я автор! – тот гордо выпятил грудь. «Так, – удовлетворенно подумал Давид, – один автор уже есть». Корнилов, скрепя сердце, предоставил слово Давиду, согласно договоренности, чувствуя однако, что ничем хорошим это не кончится. Давид стал читать мой ответ. Амусин то и дело прерывал его нервным смехом и репликами: «Вы больные люди! Вам лечиться надо! Ничего подобного!»

Дошло до «плагиата». Давид попытался объяснить, оторвавшись на время от текста, что перекличка, перифраз – это столь же естественный элемент поэзии, как и любой другой. Если в жизни мы то и дело по разным поводам вспоминаем то ту, то другую строку, то как же может поэзия (если она – живое дело, а не искусственное, мертвое занятие), вторая реальность, уходящая корнями в глубину нашего сознания и жизни, запретить себе упоминания, отключить память? Но до «борца за эксклюзивное творчество», как назвали Амусина в «Раскладе», все эти тонкости не доходили. С прямою неопитом он бубнил одно: «Нечего тут финтить! Убийство есть убийство! Плагиат есть плагиат!» Давид спросил:

– Саша, вот ты пишешь по поводу строчки Кравченко «нет, не трамвайной вишенкой в зубах – в их плотке буду ягодкою волчьей»: «Вообще-то образ трамвайной вишенки ввел в поэзию Мандельштам». Напомни, пожалуйста, как там было у Мандельштама?

Другой бы на месте Амусина, наверное, покраснел, но он уже давно разучился это делать.

– А почему я должен тебе отвечать? – грубо спросил он.

– Ну как же, ты же уличаешь, выступаешь как знаток Мандельштама, ну процитируй хоть одну его строчку.

– Я не обязан!

– Любую! Молчишь? Значит, не ты автор?

Амусину, наверное, очень хотелось выругаться, он сдерживался изо всех сил. Но тут силы покинули его.

– Больные люди! Мне тут делать нечего! – он вышел, хлопнув дверью.

Корнилов сказал:

– У нас тут намечен творческий вечер Наталии Кравченко. Я уж теперь не знаю, проводить его или нет. Я скандала не допущу.

Давид: – Но Вы же их не удержите – Амусина и Куракина.

– Да и у Натальи Максимовны тоже, знаете ли, взрывной характер. Она себя в обиду не даст.

Через несколько дней мой ответ был напечатан в «Саратовском репортере» (17.02.2004). Корнилов позвонил, поздравил с публикацией.

– Так Вы согласны с тем, что я написала?

– Ну... ответ есть ответ.

Ох, и трудная это задача – соблюдать нейтралитет! Я бы не смогла.

– Так Вы будете проводить свой вечер у нас?

Мне не хотелось доставлять Ивану Михайловичу лишних неприятностей.

– Не вижу смысла.

– Почему?

– Ну... Вы же не хотите скандала. А без скандала вряд ли получится.

– Да, страсти накалились. Телевизионщики рвутся к Вам на вечер. Две студии сразу хотят приехать.

– Пусть приезжают на вечер в библиотеке.

Телестудии, кстати – ни одна – не приехали. Хотя накануне

Т. Шварц дважды мне звонила, первый – выясняла подробности победы на конкурсе, второй – за день до вечера – сообщала, что камеры заказаны и завтра они приедут снимать. Но в последний момент – буквально за три часа до начала – вдруг позвонила и сказала, что съемок не будет. Вроде бы эти камеры куда-то срочно понадобились начальству. Тон у нее был недоуменный, обескураженный.

– Я в первый раз с таким сталкиваюсь. Какие-то непонятные приказы руководства...

– А я с этим сталкиваюсь постоянно, уже лет 15. Мне не привыкать.

– Ну, я думаю, Ваш вечер и без нас прекрасно пройдет.

– Не сомневаюсь.

А ларчик и здесь открывался просто. Дело было опять-таки в моей книге, в одном из ее памфлетов «Как я не стала телеведущей», где я написала о том, как и, главное, почему я не стала телеведущей, хотя с этой целью меня пригласили в 2001 году на саратовское ТВ вести беседы о поэзии. О том, на какие компромиссы я не пошла и какие требования руководства отказалась выполнить, о том, что я думаю по поводу нашего телевидения. Содержание этого памфлета уже успели донести до сведения руководства, следствием чего и явился этот внезапный отзыв камер. Что ж, это закономерная плата за слово правды. Что значит моя победа на Международном пушкинском конкурсе (единственной от России!), мой итоговый творческий вечер, презентация новой книги – по сравнению с амбициями задетых мною в памфлете Лунькова, Нагибина, Зориной, Утца. Разве же это сопоставимо!

В день моего предполагаемого вечера в Доме культуры и науки Куракин устроил там демонстрацию. Мне рассказывали, как он в совершенно невменяемом состоянии, весь белый, трясущийся – это было на другой день после выхода моей ответной статьи в «Саратовском репортере» – кричал в фойе (наверх, впрочем, не поднимаясь):

– Где эта Кравченко?! Мы ее растерзаем! Нас 20 человек! Со мной Кондрашов, со мной Малохаткин! Со мной весь Союз писателей! (А сам один). Она порочит русскую поэзию! Мы ее призовем к ответу! Она ответит за все! (Одного моего ответа ему, видать, было мало).

На шум вышел Корнилов. Спросил, что ему надо.

– Где Кравченко, Ваш друг и друг Вашей семьи?

– Ее здесь нет.

Вышел Дьяконов. Стал его утихомиривать. Еле вывели супостата.

Результатом всех этих скандалов стало то, что мою книгу стали больше брать в книжных магазинах. (Продавщица Дома книги рассказывала, что приходили люди и спрашивали: «А где тут у вас эта скандальная желтая книжечка?») (Имелся в виду цвет обложки). Все получилось не специально, но, как оказалось в конечном итоге, к лучшему.

На очередном вечере ко мне подошел журналист с блокнотом:

– Меня заинтересовал Ваш конфликт с Куракиным. Не могли бы Вы об этом рассказать поподробнее?

Я выразила нежелание муссировать эту тему и предложила лучше поговорить о лекциях, о том, что имеет отношение к культуре.

– Ну, культура сейчас никого не интересует...

Однако это еще был не конец. «Стая» не отставала. У меня было порой ощущение, что она имела облик многоголовой гидры, дракона, с которым сражался Ланцелот. Стоило мне срубить одну, другую голову, как на их месте срочно вырастала третья. Третья, вернее, уже четвертая по счету голова принадлежала самому молодому и самому бездарному из этой поэтической компании

А. Зрячкину. В последнее время он резко сдружился с Мартыновой и, видимо, вследствие этого зачастил на мои лекции (собирал «компромат»). Другой причины его посещений я не вижу, так как достаточно было взглянуть на его физиономию во время лекции, чтобы понять, какое отвращение у него они вызывали. Он шумно возмущался наличием в них подробностей личной жизни поэтов, кривился при каждом вольном слове, которого, как известно, из строки

не выкинешь, несколько раз даже истово перекрестился. После вечера под названием «Заресничная страна» (об истории любви Мандельштама и Ольги Ваксель) он подошел ко мне:

– Какие у Вас доказательства, что это писала Лиза?

– Вы что, ее парламентар?

– Нет, я сам.

– Передайте Вашей Лизе, пусть подает в суд. На суде все псевдонимы раскрываются.

Он переменялся в лице:

– Но мы не собираемся...

Когда мы уже уходили с Давидом, библиотекарь передала мне послание, тщательно заколотое со всех сторон булавочками (чтоб не прочли посторонние) и надписанное мне: «Наверное, гадость какая-нибудь...» Она оказалась права. Это была анонимка, мерзкая, грязная, с антисемитским душком, за всю жизнь мне такого еще получать не приходилось. По первым же фразам я без труда вычислила Зрячкина: некоторые из них дословно совпадали с тем, что он говорил мне устно (по поводу своей «нейтральности» и «невиновности Лизы»). Этот юный ханжа, в ужасе шарахавшийся от всего, что выходило за рамки замшелых хрестоматий, позволял себе в письме такие выражения, как «кто кого, сколько раз, в каких позах», «сплошные трусы и гениталии», «извращение», «порнография» – все это якобы присутствовало на моих лекциях. «Кто ж Вам дал такое лево, как право вторжения в самое интимное?» «Пока не поздно, прекратите это извращение!» И – тут же, без перехода: «Пойдите навстречу своим «противникам». Люди мы мирные, пока не грянет. А грянуть может в любой момент...» Шапка горела на голове «парламентера», особенно при словах: «как Вы клеймили безо всяких доказательств бедную девушку». Бедная Лиза. «Графиня изменившимся лицом бежит пруду». Я скомкала анонимку. Потом подумала и расправила. Надо сохранить для истории. Начиналась она так: «Мы – простой русский народ, который ходит на Ваши лекции...»

Давид тут же позвонил этому отпрыску «русского народа» и предупредил, чтобы духу его больше не было на моих лекциях, если он не хочет себе неприятностей. Зрячкин от растерянности даже не пытался отрицать свое авторство. «Хорошо, я не приду», – был ответ. Каково же было наше изумление, когда на следующий вечер он притащился снова. Бедная Лиза, видимо, желала иметь своего шпиона в стане врага. Зрячкин попытался юркнуть в зал, но на его пути, как три богатыря, встали Давид, Шаров и Косолапов.

– Тебе чего тут надо?

– Я к Ивану Михайловичу. Иван Михайлович здесь?

– Нет здесь Ивана Михайловича. Убирайся.

Они предупредили вахтера, чтобы этого писателя подметных писем больше на мои вечера не пускали.

Приближался вечер П. Шарова. Он позвонил Зрячкину, чтобы тот не приходил, так как он будет вынужден его удалить из зала. И тут тот, вспомнив, что он будущий юрист, решил «уйти в несознанку».

– Это не я!

– Как не ты? Тебя видели с письмом.

– Меня просили передать...

– Кто?

– Ну... мужчина.

– Какой?

– Который разделяет мои взгляды. Я даже не знаю, что там написано.

– Откуда же ты знаешь, что он разделяет твои взгляды, если не знаешь содержания письма?

Молчит. Шаров, беря на пушку, спрашивает:

– Что ж ты пишешь везде: «мы, русский народ»... Писал бы от своего имени.

Зрячкин, оживившись:

– А ты почитай Конституцию! Там так же пишут.

Все это было бы смешно, когда бы не было так гнусно. Я помню, как еще несколько месяцев назад этот молодой да ранний полужурналист-полупоэт просил меня написать предисловие к своей книжке. Стихи не выдерживали никакой критики, были «за гранью добра и зла», я отказалась. Он подарил мне свой сборник «стихов и песен» с надписью: «Несовершенство строк не осуждайте: когда тоску ничем не заглушишь, сменяя грусть на радостные даты, они несут мотив моей души». «Несовершенство строк» – это не самое страшное. Несовершенство совести куда страшней.

Однако и это еще был не конец. Вскоре изрыгнула свою реакцию на критику еще одна голова дракона, правда, уже из другого «лагеря». Чтобы было понятно, откуда «росли ноги» у очередной охаявшей мою книгу статьи, приведу злополучный абзац из моей новеллы «Гений» («По горячим следам», 2003, с. 164):

«Однажды в газете появилась ругательная статья о стихах Шарова. Возмутил не сам факт критики, а ее вздорность, бездоказательность, незамысловатость. Объединив поэта на скорую руку с другим автором – прозаиком (!), ничего общего с Шаровым не имеющим, критикесса походя, как бы между делом, чуть ли не брезгливо разделалась с молодым дарованием, не взяв на себя труд повнимательнее вчитаться, вникнуть, понять. Особенно меня разозлило одно место в конце статьи, где она цитировала прекрасные, по-моему, строчки, привожу их полностью:

И когда над душою – махровою полночью
Колыхается бред, точно веер, и тьма беспроглядна,
К сердцу руку прижать бы, но – полно, чью?!
Я не зарюсь на счастье, живу – и ладно.

Какие чувства вызывают эти строки? Сочувствие, сопереживание, жалость, печаль? У критикессы они исторгли следующую фразу: «Утешает, что о своих бытовых проблемах – а они ужасны! – поэт возвещает скромно: «Я не зарюсь на счастье, живу – и ладно». Вот что ее утешает, оказывается. Его скромность. Негромкость его боли, его проблем. А меня вот не утешает. А я вот хочу ему счастья. А таким, как эта, хотела бы ответить словами того же Шарова из другого стихотворения:

Кепчонку надвину на уши и руки
Упрячу поглубже в карманы, ах, суки,
Вы смерти желали птенцу и котенку,
Но если мой дух проявить, словно пленку,
Откроются дальние горы и страны;
Небесной, не знаю, дождусь ли я манны,
Но дух мой, как голубь, сорвавшийся с крыши,
Взметнется под облако – выше, все выше».

Критикесса, которую я в статье не называю – Анна Сафронова, прочтя мою книгу и, соответственно, это место в ней, не замедлила присоединить свой голос к общему лаю «своры» («Богатей», 01.07.2004). Трудно отвечать на том же уровне, заявленном в своей статье А. Сафроновой, непривычно для меня низком. Но я попробую.

Первая мысль при прочтении «рецензии» была: да читала ли она вообще мою книгу? Или только статью о ней Е. Мартыновой в «Земском обозрении», которую «выловила в Интернете» и которой жадно обрадовалась? Настолько, что слюнки потекли (статья очень к месту называлась «Приятного аппетита!»), когда она с аппетитом цитировала самые смачные строки Ядвиги Залеской:

«Постельные сцены составляют самую значительную часть «стихотворного наследия» Н. Кравченко. Ради разнообразия Наталия Максимовна притворяется то изысканной

куртизанкой, то неопытной отроковицей...»

Ну сколько можно, женщины? Надоело. Угомонитесь. Что вас так заклонило на постельных сценах? Неужели не к чему больше придраться? «Однако вот не тянет меня вылавливать плевков Ядвиги Залесской из супа, сваренного Наталией Кравченко», – пытается сделать безразличное лицо штатная критикесса, отмежевываясь от нештатной. Но не может скрыть истину: тянет. Еще как тянет! И вылавливает, и смакует, и причмокивает. «Весело, не правда ли? Мне сразу захотелось написать диссертацию на тему: «Опыт идентификации реального постельного имиджа автора с имиджем лирического героя», – резвится Сафронова. Она стремится представить пасквиль Мартыновой и мою отповедь ей в газете как обычную кухонную свару, бабью разборку: «Две дамы вышли разбираться на общую территорию сказать друг другу самое важное». Совершенно верно. Только вот дамы-то эти – они сами. Забыв на время идейные разногласия своих газет, Мартынова и Сафронова «вышли на общую территорию» «разобраться» со мной, сказать обо мне «самое важное». Тут интересы их совпали, слились, так сказать, «в одну, но пламенную страсть» – жажду мести. При этом Сафронова не гнушалась цитировать на все лады, как классика, постоянного заслуженного автора досточтимого «Земского обозрения». Да, известный душок есть. Но ради такого дела можно и принципами поступиться. А почему бы тогда и Куракина не процитировать с его грязными ругательствами обо мне? Неужели его не было в Интернете? Ай-яй-яй! А то бы еще веселее получилось.

Один знакомый журналист говорил мне: «Ну что Вы хотите, критики тоже люди. Прочитала, обиделась...» Мне вполне понятны чувства Сафроновой – надо же было сквитаться за «критикессу» и «суки». Естественно, что книгу мою она в свете этой обиды читала с помраченным сознанием. Как она умеет «выпускать пар», я уже знаю из другой ее публикации в «Новых временах», где, обидевшись на какую-то фразу о ней из книги «Политика и культура в русской провинции», – там, кажется, было что-то о «посиделках под чай, водку и спирт», Сафронова срывалась чуть ли не на истерику, угрозы («пусть не попадается мне автор на широких просторах родины!»), признавалась в своих «нездоровых и даже криминальных чувствах» по отношению к авторам книги. Статья, помнится, так и называлась: «Выпускание пара». Вот эту же нехитрую процедуру критикесса проделывала и в статье о моей книге. Юпитер, ты сердисься... Однако даже помутившимся от гнева зрением как можно в белом видеть черное? Вплоть до того, что даже невинный желтый (и чуть розоватый) цвет моей обложки Сафронова именует «огненным, революционным». Сначала я, честно говоря, подумала, что она дальтоник, а потом мне стало ясно, куда она клонит: сделать из меня этакую революционерку-коммунистку с «милиейско-оперативными» ухватками (ну как же, раз название – «По горячим следам!») с примитивной лексикой и однолинейным мышлением. При этом доказательствами она не балует, заменяя их грубыми подтасовками и голословными обвинениями. Особенно уела ее страница 211 (памфлет «Русофобия»), где я привожу отзывы – не своих «поклонников», как выражается критикесса, видимо, не в силах расстаться с навязчивыми мыслями о «постельных сценах», а – как пишу я – «слушателей моих лекций». Намеренно игнорируя контекст статьи и причину, по которой я их привожу (зачем? пусть читатель думает, что просто из хвастовства и самолюбования), она, радостно уцепившись за один из отзывов, где женщина не так изысканно выразила свои чувства, как этого хотелось бы г-же Сафроновой, торжествует по сему поводу: «Чувствуете, из какого словаря лексика?» Дескать, смекаешь, читатель, какое быдло к ней на лекции ходит?

А какая, если уж на то пошло, лексика у самой рецензентши? Как она сама-то пишет? Почему-то принято считать, что критиковать положено лишь поэтов и писателей, а критики – это как бы самая высшая инстанция. Но меня давно уже возмущают статьи этой авторши – поверхностные, беспардонные, бездоказательные, невразумительные, приправленные «для оживляжа» плебейским стебом. По ним зачастую невозможно определить, хвалит или ругает

она поэта. Из статьи о Сокульском, например, я так и не смогла этого понять. Вроде бы установку дала себе хвалить (и ежу ясно, почему), а найти, за что – затрудняется. Только и выдавила из себя запомнившуюся ей строчку, которую, действительно, забыть трудно: «Снег летит, хорошо – не дерьмо». А в статье о поэте С. Трунине вынуждена была даже пояснить: «Во избежание недоразумений сразу хочу сказать, что сей текст написан с большой любовью к стихам Сергея Трунева». Вот спасибо, что предупредила, а то читатель по статье ни за что бы не догадался. Зато талантливого Павла Шарова одним махом-чихом зачислила в бездари. Всю мою книгу, «как стихи, так и прозу», она «по-революционному» свела «к демонстрации практического применения простеньких критериев: бедность – хорошо, богатство – плохо, духовность – хорошо, бездуховность – плохо...»

Вначале было чувство недоумения: да читала ли она в самом деле книгу, и если читала, то в каком состоянии? Где, сквозь какой граненый «магический кристалл» она это могла увидеть? Потом, когда дочитала фразу до конца, поняла, куда она гнет: «поэт, если не заумный – хорошо, если заумный – плохо (и пусть не морочат ей голову Светлана Кекова и Елена Шварц, «голой правды от них не дождешься»). Это я так якобы пишу об этих поэтессах в своей книге. Но Сафронова не учла, что книгу-то прочли уже многие, и всем этим людям ложь ее «постулатов» слишком очевидна.

Чем еще я не угодила г-же Сафроновой, кроме цвета обложки? Какие еще претензии? Ах, да, критикессе не хочется «выслушивать жалобы Кравченко на то, как поэт Павел Шаров съел у нее все, да еще много чаю с сахаром выпил». «Жалобами» она называет фразу: «Заглянула в холодильник – Шаровым покати. Но за талант хотелось простить все». Вот только таланта поэта – слона-то и не заметила рецензентша, а ведь именно об этом я писала на 30 страницах рассказа. Что, не убедила? Так напиши, опровергни по существу. Ни стихов Шарова, ни моих комментариев к ним она, что называется, в упор не видит. Ей внятно только про «чай» и «холодильник». Так же как в стихах моих она увидела только «постельные сцены». Что ж, каждый волен видеть то, что ему близко. Но почему я в таком случае должна «выслушивать», что герой другой статьи Сафроновой поэт Е. Заугаров, чью гениальность она с придыханием воспекает, привычно не утруждая себя доказательствами, «коллекционирует дверные ручки» и «любит пририсовывать усы поп-лицам с афиш»? Других доказательств «гениальности» поэта в статье не приводится, так как стихи, которые там цитируются, вряд ли вообще можно назвать стихами: «...Единственное, что меня заставит/ встать с кровати,/ так это опасение, что кто-то/ увидит эти чертовы бумажки,/ что кто-нибудь все это прочитает...» Стихи непризнанного «гения» Сафронова перемежает неведомо чьими «разговорами о Евгении Заугарове», например: «Он выглядит и живет таким образом, каким в нашем представлении должен быть гениальный поэт: беден, странен, сосредоточен, печален...» Если это для Сафроновой – критерии гениальности, чем же они в таком случае отличаются от моих, по ее выражению, «простеньких критериев»: «бедность – хорошо, богатство – плохо...» Не говоря уже о том, что нигде у меня в книге этих дурацких «критериев» не сыщешь.

Мстительность критикессы была вызвана не только моим выпадом против нее в защиту Шарова, но и моим памфлетом о стихах Кековой и Шварц, которых Сафронова когда-то тоже воспевала в своих статьях. И так же «своеобразно»: в качестве гениальности Шварц, например, она приводит скандалы, которые та учиняла с битьем посуды, швырянием утюгов и кипящих чайников. Как говорил Бальмонт, «почему я, такой нежный, должен все это видеть?» Почему я должна все эти бытовые подробности и сплетни, собранные Сафроновой, принимать за критические и аналитические статьи? И с какой стати она приписывает мне свои собственные творческие приемы?

В моей статье о поэзии Кековой я в подтверждение своих доводов привожу примеры, цитаты, аргументы, высказывания Ходасевича, Заболоцкого, Цветаевой. Что же Сафронова не опровергает и их тоже? Или она все это тоже предпочла «не заметить», как всегда

умудряется не замечать главного, подменяя его второстепенным, неважным. А ведь этому еще в школе учат: уметь вычленив основную мысль в статье, главную тему рассказа. Сафронова же сумела углядеть в поэзии Бориса Рыжого «глобальный творческий эгоизм» («Богатей», № 21, 2004), а в поэзии С. Трунева, в любви к которому заверяет читателя, выделяет как самые заслуживающие внимания строки: «Столкну на воду чью-нибудь «казанку»,/ переступив на собственность права,/ они под утро бросятся искать,/ но будет поздно...», сопровождая таким «прозаическим» комментарием: «И куда только кафедра смотрит вкуче с соответствующими отделами? Человек, можно сказать, сам на себя донес». Мд-а-а. Как там у Маршака? «— Где ты была сегодня, киска? – У королевы у английской.– Кого видала при дворе? – Видала мышку на ковре». Что угодно интересуется Сафронову – холодильник с чаем, постель моей спальни, донесет ли кто на Трунева или нет, только не поэзия. Может быть ей перекалфицироваться... ну если не в оправдому, то в какие-нибудь бытописцы, а то и в «милицейские оперативники»? Это бы ей больше пошло, ей-богу.

Я прошу прощенья, что испортила аппетит Сафроновой, подмешав в «амброзию» своей книги толику дегтя. Никто, кстати, не неволил её эту книгу покупать и читать. А ведь читала, и очень даже прилежно, раз обвиняет в невнимательном чтении «Ядвигу Залесскую». Уверена, что и эту будет есть глазами.

Сафронова назвала свою статью саркастическим пожеланием: «Приятного аппетита!» Будем взаимно вежливы: – Кушайте на здоровье!

Редактор «Волги» Н. Болкунов увещевал меня по телефону:

– Ну чего ты задираешься! Я тебя помню на ТВ тихой, скромной девушкой...

– Я не задираюсь. Я пишу критику. Вам что, критики уже не нужны?

– Нужны, – сказал он. Но как-то вяло, без энтузиазма. Понятно. «Нам нужны подбрее Щедрины, и такие Гоголи, чтобы нас не трогали».

Мне говорили: «Зачем ты трогаешь того? Или этого? Он теперь кипит от злости». Да пусть себе кипит. Это его личное дело. Как говорил Сирано: «Под взглядами врагов я хожу прямее». «Драка», «разборка», «сведение счетов» – такие обвинения возникают только потому, что пошлость всегда опирается на собственный опыт и не способна понять истинных причин и побуждений.

Еще раз подчеркиваю: то, что я пишу – это не ругань, не месть, не скандал, это – критика. Есть такой жанр. Его никто еще не отменял. Понятно, что объектам ее она понравиться не может. Но я пишу это не для них, не для того, чтобы их уесть или позлить, а для того, для чего должна писаться критика: формировать вкус читателя, объяснять, что в поэзии хорошо и что плохо, с моей точки зрения. Не согласен – опровергай, спорь, на то существует полемика, высказывание разных мнений. Но уж будь любезен – под своим именем, чтобы все видели, кто именно так думает. Псевдонимы в такого рода статьях, на мой взгляд, недопустимы, они развращают, приучают к безответственности, безнаказанности, от них один шаг до анонимок. А не можешь возразить по существу – ну, значит, сиди и не чирикай. Делом докажи, что я не права, новым стихом, новой книгой, которые – всегда есть надежда, что окажутся лучше прежних.

Никто мне еще не мог возразить на том же литературоведческом уровне, никто. Только на языке кухонной склоки, по принципу «а ты кто такой? Не тебе судить». «Не судите да не судимы будете», – большинство придерживаются этой мудрости. Но мне ближе другая формула, Галича: «Те, кто выбраны, те и судьи? Я не выбран. Но я судья!» Если кто-то благодаря своим связям просочился в газету, получил доступ к газетным площадям – это еще не значит, что он автоматически становится критиком. Так же как и членский билет СП не дает еще права считаться поэтом. Равно как и наоборот. А то ведь так можно скатиться до уровня судьи Савельевой, которая допытывалась у Бродского: «Кто Вам дал право называть себя поэтом?» «Господь Бог», – ответил ей Бродский.

И еще, отвечаю тем, кто укоряет: зачем пишу критику? Ты, дескать, поэт, ну и пиши стихи.

Но я считаю себя критиком в неменьшей степени, чем поэтом. Одно другому совсем не мешает. Критику писали многие достойные поэты, практически нет ни одного мало-мальски известного поэта, не говоря уже о классиках, у кого бы не было критических статей. И всякие попытки как-то принизить, «дисквалифицировать» этот жанр я категорически не принимаю. Писала и буду писать. Потому что чувствую себя ответственной за современный литературный процесс – как бы это ни казалось кому-то самонадеянным. Потому что мне не безразлично, что происходит в саратовском литературном мире. И потому, наконец, что я умею это делать.

«Подлинная критика – это отношение, острое личное мнение, беспощадно правдивое суждение о любом писателе любого направления и ранга, без групповщины и политиканства. Сколько же тяжелой злобы и мстительности она порождает...» – пишет Вс. Сахаров в статье «У нас была критика» («ЛГ», 2003).

Мне хотелось бы закончить свою «эпопею» строчками письма, которое я получила недавно от моей читательницы и слушательницы Тамары Васильевны Усановой. Такие письма – и мое оправдание, и награда, и свидетельство творческого «не зря».

«Я все думала: ну зачем она разворошила это осиное гнездо? Ведь закусуют. А потом поняла: для правды. Ну кто-то ведь должен сказать правду. Другие или боятся, или не умеют, или хотят жить спокойно. Но ведь сказано: не бойся врагов, в худшем случае они могут тебя убить. Не бойся друзей, в худшем случае они могут тебя предать. Но бойся равнодушных: это с их молчаливого согласия творятся на земле предательство и убийство.

Поэтому я еще раз говорю Вам спасибо. За гражданское мужество. Т. В. Усанова. 27 марта 2004 г.»